

ВОСПОМИНАНИЕ

Я помню каждый день тех лет далеких,
Хотя признаюсь больно вспоминать.
Скамеечку под сенью лип высоких,
Деревню нашу, дом, отца и мать.

Я помню, что они мне говорили:
«Сыночек милый, к Богу обратись».
И постоянно за меня молились,
Но я уже вкусил другую жизнь.

Молиться мне страшнее ада было,
Пойти на танцы лучше иль в кино.
Святое – непонятно и постыло,
Зато в охоту – карты и вино...

Мне не забыть тот день из жизни прежней,
Последний день отца, он умирал.
Рыдая, мать казалась безутешной,
А я хмельной стоял и хохотал.

«Но где же Бог твой, что ж Он не спасает?
Он исцелитель? Что ж ты не встаешь?
Иль с Богом люди тоже умирают?
И ты, отец, как все в земле сгниешь...»

Он улыбнулся и сказал без боли:
«Я жив еще, а ты, сынок, мертвец!
Но если есть на то святая воля,
То знай, что воскресит тебя Творец!»

Отца похоронили, мать молилась,
Прося, чтоб я исправился, прозрел,
Но мне тогда совсем другое снилось,
Другим я жил, иного не хотел.

Молитвы, слезы – все мне надоело,
Мне стали в тягость мать и тесный двор.
И вот однажды, я ушел из дома,
Тайком, глубокой ночью точно вор.

И ликовал я: «Вот она, свобода!
Огромный мир, вся ширь его – мои!»
Не знал, глупец, - иду на дно болота,
Где тина, гниль, обман и яд змеи.

Разгул, друзья – все это закружило
В водовороте суеты и зла.
В бесстыдстве, пьянстве время проходило,
Но это не тревожило меня.

Не ведал я, что есть источник вечный
Живительной, спасительной воды,
Но не к тому я шел, увы, беспечный,
А в пропасть преисподню сатаны.

Круг развлечений, в золото одетый,
Так ярок он для тех, кто ослеплен;
Я был слепцом, не видя рядом света,
В безбожный ад кромешный погружен.

Но кто же мог спасти меня от смерти,
Кто б плен греха дал силы победить
И вырваться из мрачной круговерти,
Воспрянуть к свету, распрямиться, жить?

Но, впрочем, не о том тогда я думал...
Случилось, как-то летом в сильный дождь.
На улице внезапно встретил друга
Земляк, – но вдруг меня пробрала дрожь.

Явился мне внезапно мамин образ,
Глаза в слезах, печальны, как всегда,
Забилось сердце, задрожал мой голос,
Но вырвались бездушные слова:

«Ну, как там мать, меня хоть вспоминает
Наверное, давно уж прокляла,
Хочу заехать, только время не хватает,
Сам понимаешь: все работа да дела».

«Дела, работа, - помолчал бы лучше!
Твои дела нетрудно угадать.
Скажу тебе, но только сердцем слушай
Про то, как позабыла тебя мать.

Когда ты скрылся, то она от горя
Вся поседела - ведь тобой жила!
И каждый день, с недугом лютым споря,
Шла на распустье и тебя ждала.

И простирая свои руки к небу,
Молясь во имя пролитой крови,
Она была для всех живым укором,
Столпом надежды, веры и любви.

Ну, а когда стоять была не в силах,
Когда недужная, совсем в постель слегла,
Кровать к окну подвинуть попросила,
Смотрела, плача и тебя ждала».

Его слова, как ковш воды с отлета,
С души сорвали, смыли коросту;
Я задрожал, проямлив, вроде что-то,
Спросил: «Она жива? Скажи, прошу!»

«Как знать сейчас, а уезжал – дышала
В бреду шептала те же все слова:
«Сыночек, милый, ты приедешь, знаю» -
А у тебя работа, да дела...»

Потом бежал я, словно гнали плетью,
С желаньем, прожигающим огнем.
Увидеть мать, не опоздать, успеть бы,
Прощенье вымолить, покаяться во всем.

Вокзал и поезд, – все в одно мгновенье;
Недолг путь, но будто много дней,
И сердце, словно вторило движенье,
Стучало в такт: Скорей! Скорей! Скорей!

Не помню, как я вышел из вагона,
И тенью трепетной шагнул с испугом в ночь.
Сжималось сердце, что и как там дома?
То замирало, то, как конь рвалось.

Но вот деревня за погостом рядом,
Могилки холмики и силуэт креста,
И будто за разрушенной оградой
Увидел я стоящего отца.

И в этом мне вдруг слов его значение,
Прозреньем озаренный, осознал.
Бессильна смерть - всеильно Воскресенье!
Ты жив, отец, и ты не умирал!

Могильный холм, обняв его холодный,
Я плоть креста слезами орошал.
«Ты жив, отец, а я мертвец зловонный
Прости меня!» – со стоном я зывал.

Я искуплю грехи любовью к маме,
Сыновний долг исполню я сполна,
И, ты отец, ты в сердце будешь с нами...
Но вдруг вошла холодная луна.

И все вокруг бесстрастно осветила.
О, ужас! Только тут заметил я,
Что рядом, чья-то свежая могила,
Но я-то знал, я сразу понял, чья!

Мой стон, наверное, тогда весь мир услышал,
Деревья вздрогнули, чтоб больше не уснуть.
Ударил эхом он, как молотом по крышам,
Но только маму этим не вернуть!

«Встань, мамочка, прости меня, родная, -
Зывал я в голос, - встань, открой глаза,
Давай молиться вместе дорогая,
Ты только встань и уж прости меня!»

Но не было ответа, шли мгновенья,
Слагаясь минутами к часам,
И вдруг я понял, кто дает прощенье,
И с воплем руки поднял к небесам...

И эта ночь была последней ночью
В моей безбожной жизненной ночи,
Она открыла мне слепые очи,
Нашел я путь, и дверь, и к ней ключи

С тех пор себя не мыслю я без Бога,
В нем жизнь моя и счастья полнота.
Огромный мир, но мне одна дорога
Сквозь тернии – в объятия Христа...

Когда я вижу пред собой отныне
Заплаканную, сторбленную мать,
А рядом с ней напыщенного сына,
От всей души мне хочется сказать:

**«Вы, матери, скорбящие за сына,
Прострите с верой руки к небесам
И знайте, что молитвы ваши в силах
Творить и после смерти чудеса...**

**Вы, сыновья, забывшие о Боге,
Взгляните на рыдающую мать,
Оставьте грех, чтоб не пришлось в итоге
Вам эти слезы горькие пожать.**